

Нормы права в фокусе теории конструктивизма

Халабуденко Олег

доктор права, приглашенный профессор Варшавского университета, доцент кафедры политических наук и права Киевского национального университета строительства и архитектуры; gelox717@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Автор на основе теории конструктивизма исследует центральное понятие права — норму права. Проводится последовательная деконструкция нормы права, что позволяет выделить три ее составляющие: «нормативное высказывание» о правиле поведения, «нормативное правило», служащее подводящей моделью для оценки поведения участника правового общения в правоприменительной деятельности, и «правило поведения» как основание долженствования субъектов правового общения. Предложенная деконструкция позволяет, по мнению автора, утверждать, что законодатель, высказывающийся по вопросу о приемлемой форме юридически значимого поведения, ограничен факторами легитимации нормативного высказывания, основу которых (внешнюю границу нормативного высказывания) составляют моральные императивы. Они определяют границы свободы лица и задают контуры его приемлемого правового поведения. Для субъекта права абстрактное нормативное высказывание приобретает характер императива в качестве правила поведения в результате включения в правовую коммуникацию. Такая коммуникация возможна исключительно при условии наличия единого кода правового общения, что указывает на наличие структур общественного сознания (юридических конструкций), предопределяющих не только выбор формы поведения участника правового общения, но и характеристики самого нормативного высказывания. Право как объективное явление, определяемое через категории истинности или ложности, существует только на уровне нормативного высказывания. В свою очередь, нормативные правила и правила поведения оцениваются через критерий эффективности (достижение правовой цели). Невозможность выведения истинного положения дел из правила, имеющего нормативное значение, позволяет утверждать, что слабые правового материала, составляющие содержание всякой правовой системы, имеют конструктивную «природу». По мнению автора, методология конструктивизма, применяемая к правовым явлениям, снимает оппозицию между нормой права и правоотношением, делая бессмысленным поиск в нормативной материи фактического содержания актов субъектов правового общения. Применение рассматриваемого подхода позволяет утверждать, что субъект правового общения есть способ репрезентации соответствующей юридической конструкции, осуществляемой через его целевое поведение.

Ключевые слова: норма права, нормативное высказывание, нормативное правило, правило поведения, юридическая конструкция, деконструкция, моральные императивы, юридические факты

Legal Norms in the Focus of the Constructivism Theory

Oleg Khalabudenko

Doctor of Law, visiting professor at the University of Warsaw, Assoc. Professor, Department of Political Sciences and Law, Kiev National University of Construction and Architecture; gelox717@gmail.com

ABSTRACT

The author, based on the theory of constructivism, explores the central concept of law — the legal norm. A consistent deconstruction of the legal norms is carried out, which allows us to distinguish three of its components: "Normative proposition" or "Normative utterance" about the rule of conduct, "Normative rule", which serves as a model for assessing the behavior of a participant in legal communication in law enforcement, and "Rule of conduct" as the basis for the obligation of subjects of the legal communication. The proposed deconstruction allows, in the author's opinion, to argue that the legislator who speaks out on the acceptable form of legally significant behavior is limited with legalization factors, the basis of which (the external border of the normative proposition) are moral imperatives. They define the boundaries of a person's freedom and define the contours of his acceptable legal behavior. For a subject of law, a normative statement becomes imperative as a result of inclusion in legal communication. Such communication is possible only if there is a single code of legal communication. The aforementioned indicates the presence of structures of public consciousness (legal construction) that predetermine not only the choice of the form of behavior the participant in legal communication but also the characteristics of the normative statement itself. Law as an objective phenomenon, defined through the categories of truth or falsity, exists only at the level of normative utterance. In turn, normative rules and rules of conduct are evaluated through the criterion of effectiveness (achievement of a legal goal). The impossibility of deducing the true state of affairs from a rule that have a normative dimension allows us to assert that the components of the legal material that make up the content of any legal system have a constructive "nature". According to the author, the methodology of legal constructivism removes the opposition between the norm and the legal relationship, making it meaningless to search in a normative matter for the actual content of acts of subjects of legal communication. The application of the approach under consideration allows us to state that the subject of legal communication is a way of representing the corresponding legal structure through his target behavior. **Keywords:** legal norm, normative proposition, normative utterance, normative rule, rule of conduct, legal construction, deconstruction, moral imperatives, legal facts

1. Деконструкция нормы права: постановка проблемы

В науке права, а также в выходящей за пределы предмета права философско-методологической рефлексии относительно явлений юридического бытия общества сложился в целом единообразный подход к представлению о том, что с определенной долей условности именуется объективным правом: в целом оно понимается как система норм, «регулирующих жизнь в обществе, соблюдение которых, в свою очередь, гарантируется публичной властью»¹. Однако уже в отношении «первичной клетки» объективного права — нормы права видимого единства во взглядах среди исследователей не наблюдается. В специальной юридической литературе, посвященной исследованию отдельных сфер правовой действительности, отмечается многозначность термина «правовая норма» (общеобязательное, установленное государством и обеспеченное его силой правило поведения; формально-определенное предписание нормативного акта; логическое суждение имплицативного типа)² либо многоаспектность рассматриваемого понятия (нормы-предписания и нормы-суждения)³.

На наш взгляд, решению вопросов, рассматриваемых в настоящей работе, может послужить последовательная деконструкция общей правовой категории «норма права» на ее составляющие, а именно: «нормативное высказывание» — центральный элемент системы права, «нормативное правило», служащее подводящей моделью для оценки поведения участника правового общения в правоприменительной деятельности, и «правило поведения» как основание долженствования субъектов правового общения⁴. При достаточной ясности нормативное высказывание предположительно одинаково воспринимается участниками правового общения, однако, поскольку тождество возможно исключительно на уровне знакового выражения событий или явлений, социальный консенсус при наличии спора достигается вследствие интерпретации ими соответствующего нормативного высказывания. Таким образом, необходимость предложенной дифференциации понятий предопределяется особенностями референции к действующему субъекту слагаемых правовой действительности, определяемых указанными понятиями, и, соответственно, функцией, которую эти слагаемые выполняют в процессе правового общения.

2. Опыт деконструкции нормы права: нормативные высказывания, нормативные правила и правила поведения

2.1. Основания нормативных высказываний

В связи с предложенной деконструкцией понятия «норма права» и рассмотрения его в фокусе теории юридического конструктивизма возникает несколько ключевых вопросов, а именно:

1. Является ли условная фигура законодателя как выразителя юридически значимой воли исторически случайной⁵?
2. Можно ли свести фундамент власти исключительно к сложившейся в том или ином обществе социальной практике, то есть к так называемому «праву на номинацию», позволяющему суверену аккумулировать «юридический капитал» в своих руках? 3
3. Следует ли признавать источником права сложившуюся языковую юридическую практику, вытесняя за пределы явлений юридического измерения моральные императивы?

Известно, что всякое нормативное высказывание (нормативное предложение) основывается на авторитете (*auctoritas*), обеспечивающем его социальную легитимацию, и снабжено мерами принудительного осуществления, приводимыми в действие субъектом, выполняющим функцию *potestas*, суть которой состоит в возможности субъекта политической власти действовать. Такой субъект суть суверен, действующий лично, либо гипостазированная сущность, каковой является государство, действующее от имени народа — носителя суверенитета. Следует заметить, что в сознании субъекта правового

¹ Бергель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В. И. Даниленко / Пер. с фр. М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 15.

² См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007. С. 94–96.

³ Маньковский И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : монография. Минск : Межд. ун-т «МИТСО», 2013. С. 5.

⁴ Идея необходимости четкого разграничения названных срезов норм права была подсказана автору работами Евгения Булыгина (см., в частности: Булыгин Е. К проблеме объективности права // Проблемы філософії права. Т. III. № 1–2 (2005). С. 7–13).

⁵ В более широком смысле это принципиальный вопрос о степени влияния культурных факторов на правовые явления и, соответственно, вопрос о степени детерминированности права внешними по отношению к нему культурными в широком смысле факторами.

общения политическая власть воспринимается в виде формы его зависимости от воспринимаемого им в качестве источника (начала) объекта, устанавливающего нормативные предписания. Лишь в сознании воспринимающего такой объект персонифицируется, наделяется качествами субъекта, тем не менее таковым не является до тех пор, пока с ним невозможно вступать в коммуникацию. Включение субъектов правового общения в правовую коммуникацию отражает динамический аспект правового порядка. Названный аспект, согласно Г. Кельзену, фиксирует процесс «создания и применения права, право в своем движении» и также «регулируется правом», поскольку «одно из важнейших свойств права состоит в том, что оно регулирует собственное создание и применение»⁶.

Отметим, что история европейского права знает различные подходы к легитимации нормативных высказываний. Так, на заре становления римского правового порядка нормативные высказывания освещались авторитетом жреческих коллегий, позднее — авторитетом знатоков права, сформировавших *ius*, и Сенатом Рима; с признанием христианского учения «абсолютно истинным» авторитет нормативного высказывания освещается властью императора, данной Богом, «...ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»⁷.

В указанном ключе нормативные высказывания воспринимались и глоссаторами, которые рассматривали правовой материал римского права в качестве *ratio scriptata*, поскольку рациональное в рассматриваемую эпоху считалось синонимом божественного. Нормативные высказывания признавались таковыми до момента, когда на смену христианскому представлению о праве пришло естественное право — новое *ius* первоначально деистической, а позднее секуляризированной эпохи, выродившееся в конечном итоге на «Востоке» в авторитет воли господствующего класса.

В свою очередь, современные методологические исследования обоснованности нормативных высказываний на «Западе» отталкиваются от поиска оснований их эффективности. Соответственно, гипотетическая эффективность нормы права здесь апеллирует к политико-правовому подходу, сводимому по преимуществу к экономически эффективной оценке действия права: с точки зрения утилитаризма моральная, а следовательно, и правовая ценность поведения определяется его полезностью⁸.

2.2. Нормативные высказывания и моральные императивы

В связи с отмеченным выше значимой представляется проблема соотношения нормативных высказываний и моральных императивов. На наш взгляд, соотношение правового и нравственного определяется самим содержанием субъективного права. В правовой культуре власть как свобода лица в отношении легитимно присвоенных объектов признается социальной ценностью (благом). Оценка рассматриваемого социального блага, с одной стороны, зависит от признания обществом и защищенности правовым порядком и потому не может быть индифферентной для правового порядка, с другой — она зависит от лица, господствующего над объектом, что, следовательно, позволяет возложить ответственность на него, если нарушаются признанные границы правомерного поведения. В этом смысле субъективное право есть признаваемая и охраняемая правовым порядком мера свободы лица в отношении легитимно присвоенного им блага, — свободы от изменчивости фактических состояний.

По справедливому замечанию Ю. Хабермаса, «при революционной предпосылке, согласно которой по праву дозволено все, что эксплицитно не запрещено, уже не обязанности, а субъективные права образуют первоначало для конструкции правовой системы»⁹. Таким образом, именно концепт субъективного права, а не приказ позволяет преодолеть зависимость поведения субъектов правового общения от мира *фюзиса* посредством подчинения их поведения *номосу* — самодостаточной, обособленной от иных явлений сферы правовой действительности. При этом заметим, что связь между явлениями правовыми и неправовыми не утрачивается, но она, в отличие мира физических явлений, имеет корреляционный, а не каузальный характер. Однако в тех случаях, когда социальный опыт делает необходимым «возвести факт в право», фактические явления оцениваются лишь в контексте явлений, составляющих сферу правовой действительности.

Наглядно данный тезис демонстрирует достаточно универсальное для всех типов обществ определение границ субъективного права, закрепленных вовне в нормативных высказываниях.

⁶ Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 94.

⁷ Послание к римлянам апостола Павла. (Рим. 13.1.) / Библия (Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета). М.: Издание Московской Патриархии, 1992. С. 1240.

⁸ См.: Халабуденко О. А. Право и экономика vs право и мораль: некоторые методологические замечания // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. М., 2015. С. 49–62.

⁹ Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии, 2012, № 2. С. 71.

Границы свободы лица при совершении поведенческих актов, связанных с легитимно присвоенным ограниченным ресурсом, определены императивами «морали долга» и «морали стремления»¹⁰, закрепленными в качестве основополагающих принципов в тексте закона. «Мораль долга», будучи предельно нижней границей свободы лица, направлена на предотвращение конфликта внутри общества, поскольку право предписывает не желать чужого, воздавая каждому свое¹¹. Предельная верхняя граница свободы лица определяется свободой других лиц по распоряжению легитимно присвоенными ограниченными ресурсами («мораль стремления»), ибо ни один правопорядок не может сколь-либо устойчиво функционировать, навязывая, а не создавая возможности для субъектов в присвоении, осуществлении и защите субъективных прав.

Таким образом, в своем моральном измерении право исходит из известной контroversы: не допуская установления нормативных предписаний о том, как вести себя лицу с тем, чтобы достигнуть наилучшего результата, оно требует соблюдения вышеупомянутой «морали долга», возлагающей обязанность всех и каждого воздерживаться от посягательств на легитимно присвоенный лицом ограниченный ресурс. Указанные нижняя и верхняя границы свободы лица задают контуры его приемлемого правового поведения. Признанная за лицом свобода вести себя в рамках означенных границ служит естественно-правовыми основаниями права в целом и его основного системного элемента — нормативного высказывания.

С другой стороны, правовая возможность приобретения, осуществления, изменения, прекращения и защиты субъективного права определяется нормой права, что позволяет сделать вывод о том, что сущность права, его *essentia* может быть определена в фокусе соотношения нормативного высказывания, легитимирующего юридически значимое поведение лица, и нормативного правила, определяющего правовые последствия такого поведения. В самом деле, нормативные высказывания устанавливают ценности, тогда как дескриптивные высказывания направлены на то, чтобы описывать факты. Когда мы, например, утверждаем, что запрещено нарушать чужое субъективное право, в частности право на исполнение, то нашей целью не является описание того, каковы факты, но формирование определенной линии нашего поведения, согласно которой обязанное лицо — должник или третьи лица — не должны нарушать названное право, и если они нарушат, то будут привлечены к ответственности. Другими словами, нормативные высказывания указывают на то, как мы должны вести себя в конкретной фактической ситуации. Таким образом, из представленного нормативного правила не выводимо, что мы *будем* себя вести именно таким образом, но оно является *эталон*ом (моделью) и, возможно, *нашим решением* о том, как мы должны действовать в данной ситуации¹². Таким образом, и регулятивное, и охранительное действие нормы носит оценочный характер: «никаких объективных связей между фактами и их правовыми последствиями не существует и не может быть установлено...»¹³.

Нормативное высказывание само по себе не дает ответа на вопрос: почему определенные социальные отношения связаны с нормами права, предлагая при разрешении этого вопроса обратиться к вере в разумность «законодателя», который способен определить, какая фактическая ситуация достойна признания и защиты, а какую следует проигнорировать. В этой связи обратим внимание на то, что факт и право не находятся в причинно-следственной связи, аналогичной той, которая свойственна явлениям природы и которая может быть описана через ее законы (фюзис). Отношение между причиной и следствием является «фактуальным и эмпирическим», тогда как отношение между основанием и следствием — «концептуальным и логическим»¹⁴. Основание не призвано оказывать воздействие на мир фактов, но, наоборот, оценка фактического поведения — действия или бездействия — происходит с точки зрения правовых эффектов, предусмотренных нормативным правилом. Так, исполнение по обязательству о передаче вещи (фактическое действие) сообщает правовой эффект — прекращает обязательство надлежащим исполнением потому, что диспозиция (санкция) нормы указывает на правовые последствия совершения соответствующих действий, имеющих цель прекратить обязательство.

¹⁰ Понятия «мораль долга» и «мораль стремления» введены в научный оборот американским правоведом Лоном Л. Фуллером, исследовавшим специфические моральные требования к праву. См.: Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 14–20.

¹¹ D.1.1.10pr: «Iustitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi. Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere alterum non laedere, suum cuique tribuere».

¹² Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Издательство Томского ун-та, 2012. С. 78.

¹³ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право : учебник / В. А. Белов. М. : Юрайт, 2011. С. 244.

¹⁴ Бригг Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Изб. тр. Пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. М. : ПРОГРЕСС, 1986. С. 71.

Само правило, следуя теории Л. И. Петражицкого, воздействует на поведение человека и переживается им как субъектом права¹⁵. Исходя из эмпирического аргумента Г. Харта, под воздействием правовых норм определенные виды человеческого поведения превращаются из произвольных в обязательные¹⁶. При этом обязанность, выраженная в нормативном высказывании, связана с исполнением приказа суверена, тогда как обязанность, выраженная в нормативном правиле, — тем, чем руководствуется юрисдикционный орган, не соответствует полностью приказам, «ибо введена на основе общеизвестных легальных процедур, являющихся общеобязательными и распространяющихся на множество лиц»¹⁷. (Отмеченное, *a propos*, еще раз подтверждает несостоятельность сведения концепта права к приказам суверена.) Следовательно, алгоритм взаимодействия нормативного правила с правовыми эффектами задан последовательностью, в которой норма права определяет (регулирует) поведение участника правового общения, реализуемое в определенных правовых формах, в том числе в правоотношении. Во всяком случае, необходимости в посреднике в форме правоотношения между нормой права и юридически значимым поведением участников правового общения нет.

3. Вопросы логической обоснованности нормативных высказываний и нормативных правил

В связи с предложенной деконструкцией понятия «норма права» возникает также ряд критических соображений в отношении логической обоснованности нормативного высказывания и нормативного правила. Речь идет об известном «парадоксе или гильотине Юма» (*is — ought problem*), предполагающем, как известно, два возможных решения: либо полный отказ от возможности выведения из сущего должного (вывод, вытекающий из концепции феноменологии Э. Гуссерля¹⁸), либо признание того, что долженствование имеет фактическое происхождение и восходит к социальному опыту (теория действия, развитая Д. Серлем¹⁹).

Попробуем рассмотреть указанную проблему через призму логической истинности. Известно, что логическая истинность основывается на аргументах, применимых в дедуктивных или индуктивных рассуждениях. При этом дедуктивные рассуждения предполагают применение критерия валидности (логической правильности). Валидное рассуждение основывается на том, что из верных посылок следует только верный вывод. Следует признать, что дедуктивные рассуждения для понимания поведения участника правового общения, осуществляемого посредством оценки при подведении рассматриваемого поведения под общее правило, закрепляющее устоявшиеся представления о должном, логически невозможны. Дело в том, что дедуктивные рассуждения всегда сильные: в них причина каузально связана со следствием. Для оценки поведения субъекта правового общения применимо слабое понимание, принимающее во внимание цель совершения им поведенческих актов (телеологическое понимание и объяснение, как подведение под общепринятую истину). Слабое понимание представляет собой проблематичное, индуктивное умозаключение²⁰. Схема слабого понимания такова: «А основание В. В представляет собой социальное благо; значит, А, вероятно, также является благом». Например, фактическое обладание вещью (А) служит основанием для защиты соответствующей владельческой ситуации добросовестного владельца (В), стабильность которой признается социальным благом; значит, фактическое обладание вещью, вероятно, также является благом. Вероятность здесь состоит в том, что нормативное правило презюмирует социальную ценность владения, исходя из вероятности добросовестного поведения лица, фактически обладающего вещью. Во всяком случае, вопрос о том, какое именно фактическое обладание есть социальное благо, остается на усмотрение судебной инстанции, учитывающей при вынесении решения накопленный социальный опыт.

Слабое понимание оценки поведения участника правового общения, осуществляемое посредством подведения под общее правило, включает, помимо оценки самого поведения, также цель,

¹⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. С. 270–274.

¹⁶ Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 14.

¹⁷ Johnson C. D. Moral and Legal Obligation // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72. No. 12.

¹⁸ См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1: Пролегомены к чистой логике. М. : Академический проект, 2011.

¹⁹ См.: Серль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

²⁰ Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.

для достижения которой субъект ведет себя таким образом, как это предусмотрено правилом. Логической формой понимания целевого поведения участника правового общения является, по мнению Г. Ф. Вригта, практический силлогизм, который служит для телеологического объяснения подводящей моделью.

В практическом силлогизме исходная посылка говорит о некоторой желаемой цели (цели действия); в меньшей посылке действие как средство его достижения связывается с желаемым результатом; в заключение делается вывод об использовании средства для достижения цели²¹. С позиции телеологического объяснения можно понять поведение действующего лица, а точнее, действие самого правила поведения, которым оно руководствуется, вместе с тем нельзя достоверно узнать, привело ли поведение действующего лица к желаемому результату. Оценка достижения предполагаемого результата при возникновении конфликтной ситуации возможна только в индуктивном заключении, которое предполагает, что частные предпосылки связываются с заключением через определенные фактические основания, не имеющие формального характера²².

4. Онтологические и логические пределы измерения нормы права

Дальнейший логический анализ нормы права определяется корректностью ответа на вопрос: существует ли право как объективное явление? От полученного результата зависит разрешение двух тесно связанных с ним проблем: во-первых, является ли право (в значение нормативного высказывания) результатом человеческого опыта, исключающим рациональный или эмпирический априоризм; во-вторых — как следствие из первого, — допустимо ли признание того, что между правом (в значение нормативного правила) и моралью не существует никакой логической связи²³.

На вопрос о том, существует ли норма права объективно, можно дать положительный ответ, если норму права понимать в качестве некоего положения дел так, как оно есть на самом деле, независимо от наших мнений о нем (метафизическая объективность), иными словами тогда, когда рассматриваемое понятие используется в значении нормативного высказывания. С другой стороны, нельзя признать, что норма права в значении нормативного правила и правила поведения представляет собой логическую связь между утверждением, выраженным в дескриптивном предложении, и неким существующим в мире объектом, а следовательно, что норма права устанавливает объективную связь между поведением участника правового общения и ее эффектами.

Функция правовой нормы — прескриптивная («право предписывает, дозволяет, уполномочивает», но «не высказывается о предмете познания»²⁴), поэтому нормативные правила, в отличие от высказывания об их существовании (нормативных предложений), не могут быть ни истинными, ни ложными. Таким образом, нормативные высказывания о правиле поведения (нормативные предложения) не могут быть охарактеризованы как действительные либо эффективные, они не могут быть ни соблюдены, ни нарушены, но они могут быть истинны либо ложны. Напротив, нормативные правила могут быть действительны либо недействительны, эффективны или неэффективны, они могут соблюдаться или нарушаться, но они не могут быть истинными или ложными²⁵. Нормативное высказывание, следовательно, рассматривается в значении социального факта и сложившейся практики. Так, нормативное высказывание об оценке добросовестности участника правового общения может быть истинным или ложным, тогда как эффекты соответствующей нормы, в значении нормативного правила, определяющего последствия добросовестности или недобросовестности, не могут быть валидированы, а следовательно, истинными или ложными.

Заметим, что истина всегда контекстуальна, она выстраивается в диалоге с *другим*. В самом деле, «...только на уровне социального взаимодействия посредством языкового общения мы и создаем основания, не зависящие от желания»²⁶ — основания должностования. Должное существует в нормативной форме, как адресуемое субъекту правило поведения, которое необходимо исполнить; оно осознается как обращение к другому, а потому должное имеет коммуникативную природу²⁷. Тем не менее следует учитывать, что для начала правового общения необходима

²¹ Вригт Г. Х. фон. *Op. cit.* С. 64.

²² Ивин А. А. *Логика : учебное пособие*. Издание 2-е. М. : Знание, 1998. С. 112.

²³ Булыгин Е. К проблеме объективности права // *Проблеми філософії права*. 2005. Т. III. № 1–2. С. 7.

²⁴ Ганс Кельзен. *Op. cit.* С. 95.

²⁵ Булыгин Е. *Op. cit.* С. 8.

²⁶ Оглезнев В. В. Некоторые замечания к теории об основаниях для действия // *Вестник Томского государственного университета: Философия, Социология, Политология*. 2015, № 2 (30). С. 215.

²⁷ Поляков А. В. Норма права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1140109> (дата обращения: 20.05.2020).

выработка единого кода коммуникативной интеракции. Результативная коммуникация возможна только тогда, когда участники процесса правового общения заранее согласуют понятный для них формализованный способ коммуникации. Выработка такого способа в процессе общения в принципе невозможна, так как в этом случае исключается возможность начала *iuris communicatio*. Другими словами, юридически значимый результат коммуникации возможен лишь в случае, если «способ передачи сообщений уже выработан и оговорен»²⁸. Так, только результат рецепции, представленный правовой традицией (тем, что передается), дает единый код правового общения, позволяющий наладить результативную коммуникацию между различными правовыми культурами. Поэтому неверно утверждение о том, что в самих фактических актах коммуникации (приказах, обещаниях, обязательствах) создаются основания для нормативных суждений.

Отсюда допустимо предположение, что оценка поведения лица, предписанного нормой права (нормативным правилом), может быть правильной или неправильной: правильный ответ не является истинным, но позволяет определить эффективность через призму информированности о правах и обязанностях, соблюдение или нарушение которых влечет определенные правовые последствия. Однако само нормативное правило зависит от сложившегося социального опыта, оно многозначно. Во всяком случае, определенность нормы достигается не в ней самой, а в практике ее применения: «только после решения судьи мы можем узнать, какая норма соответствует указанной нормативной формулировке»²⁹. В этом смысле судебный акт выполняет функцию детерминатива, позволяющего определить финальное нормативное значение правила. Применительно к вопросу о соотношении норм права и моральных императивов такая точка зрения позволяет утверждать, что суд прибегнет к применению моральных категорий — основы судейского усмотрения — всякий раз, когда нормативное высказывание неправильно с точки зрения социального опыта.

Необходимо отметить, что юридические нормы, подобно знакам, не являются сущностями, а потому определение их состояния «существуют объективно» к ним применимо, как было отмечено выше, только при определении их в качестве нормативных высказываний. Знак же не отсылает к значению вещи вовне, он отсылает к значению в его собственных границах. В этом смысле базовый концепт права тождественен самому себе: право есть право, его определение не требует предиката. Тем не менее нормы права «прямо или символически связаны с конкретными актами, которые имеют место в реальной жизни»³⁰: в значении *нормативного высказывания* — практикой легитимации и процедурой принятия, в значении *нормативного правила* — практикой применения, а в значении *правила поведения* — практическим осуществлением. Поэтому право не может быть сведено (подобно шахматам) к набору правил, согласно которым каждый элемент определен посредством референции по отношению к другому, но не к своему субстрату.

5. Конструктивная «природа» норм права

Принципиальная невозможность выведения истинного положения дел из правила, имеющего нормативное значение, позволяет утверждать, что слагаемые правового материала — особого рода структуры, составляющие ткань всякой правовой системы, имеют конструктивную «природу». Связи между элементами правовой действительности отражают их конструктивные особенности, заданные политико-правовыми императивами — в терминах естественного права — «правовой природой», но в действительности особым правовым режимом, конвенционально признанным и установленным правопорядком в отношении определенных типизированных юридических конструкций, соответствующих формам общественного сознания.

Соответственно, правовые явления могут быть на методологическом уровне объяснены, а в последующем и поняты только посредством фиксации конструктивной деятельности человеческого мышления, осуществляемой с определенными целями и по определенным правилам с жестко установленными границами и точно выраженной в определенном языке³¹.

²⁸ Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 198.

²⁹ Булыгин Е. Op. cit. С. 11.

³⁰ Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость. Пер. с англ.: Ю. М. Юмашев (науч. ред.), М. А. Юмашева. М. : Югона, 2002. С. 295.

³¹ См. для ср. определение конструктивизма в: А. Ю. Антоновский, И. Т. Касавин, В. С. Бернштейн. Конструктивизм / Гуманитарная энциклопедия: концепты [Электронный ресурс]. Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7047> (дата обращения: 20.05.2020).

Юридические конструкции, будучи формами общественного сознания, десубстантивированы: значение того или иного элемента здесь определяется местом его расположения в ней и вытекающей отсюда функцией, которую он выполняет³². Признание нормативного уровня выражения юридических конструкций снимает проблему удвоения онтологии юридических феноменов, исключая необходимость дополнять феноменальное измерение миром ноуменальных сущностей в форме актов воли субъектов юридического общения. «Понимание юридических конструкций как собственного содержания права, — по справедливому замечанию Н. Н. Тарасова, — помимо обозначения новых эвристических горизонтов юридического исследования, представляется чрезвычайно плодотворным для преодоления отношения к праву как форме, не имеющей собственной истории, собственного содержания, сложившегося в рамках парадигмы социально-экономического детерминизма»³³. Таким образом, методология юридического конструктивизма снимает оппозицию между поиском соотношения «фактического» и «юридического» в правоотношениях, позволяя рассматривать установленные формы юридической коммуникации в качестве юридически значимой связи между субъектами, без наделения таких связей не свойственной им типизацией. С другой стороны, методология юридического конструктивизма снимает также оппозицию между нормой права и правоотношением, делая бессмысленным поиск в нормативном высказывании фактического содержания актов субъектов правового общения³⁴.

В этой связи допустимо предположение, что та или иная юридическая конструкция предшествует нормативному высказыванию, но при этом, будучи закрепленной в нормативном материале (нормативном высказывании), сохраняет свою автономность, позволяющую прибегнуть к ее эвристическому постижению. Субъект правового общения в этом смысле есть способ репрезентации соответствующей конструкции.

Таким образом, автономный субъект правового общения прекращает свое существование, его место занимает названное коммуникативное сообщество, корреспондентская теория истины заменяется представлением об истинности как о консенсусе, что в конечном итоге приводит к замене эпистемологического субъекта «интерсубъективностью». По мнению Ю. Хабермаса, право есть результат коммуникативной деятельности, представленной «символически транслируемой интеракцией», которая осуществляется в соответствии с обязательно принимаемыми нормами, определяющими взаимные поведенческие ожидания, понимаемые и признаваемые по крайней мере двумя действующими субъектами; причем в отличие от технических правил и стратегий, зависящих от состоятельности эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значение социальных норм основано лишь на интерсубъективном согласии по поводу интенций и гарантировано общим признанием своих обязательств»³⁵.

Однако, как было отмечено выше, при таком понимании правовой коммуникации наблюдается логический круг: коммуникация возможна при выработке единого кода общения, который необходимо должен предшествовать самому ее началу. Другими словами, коммуникативная теория права не дает ответа на вопрос об априорных основаниях того или иного юридического дискурса. Предположение о том, что если «дискурсивные образования исторически обусловлены, то они, следовательно, лишены априорного основания, а значит, что у каждого общества есть свой собственный порядок истины, своя политика правды»³⁶, противоречит, заметим, практике межкультурного правового диалога.

³² Конструкции, на наш взгляд, следует отличать от конструктов — и те и другие, безусловно, имеют рациональные основания, их структура логична (самотождественна, непротиворечива, обоснованна, формально истинна). Однако конструкция, в отличие от конструкта, не только рациональна, но и, если угодно, с точки зрения социального опыта общественно полезна, разумна. Этим объясняется сложившаяся практика обхода или даже игнорирования законов, в которых в текстовой форме закреплены многочисленные конструкты, обращение к которым для субъекта правового общения представляется неразумным.

³³ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург : Издательство Гуманитарного ун-та, 2001. С. 244.

³⁴ Более подробно о решении вопросов, связанных с интерпретацией понятия «правоотношение» посредством теории юридических конструкций, см., в частности, Халабуденко О. А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. №1 (2013). С. 174–187.

³⁵ Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt a/M., 1968. S. 62. (Цит. по: Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М. : ИФРАН, 2009.)

³⁶ Teubner G. How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law. In: Krohn W., Küppers G. & Nowotny H. (eds.) Selforganization. Portrait of a scientific revolution. Kluwer, Dordrecht: 87–113 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/archive/fulltexts/2713.html> (дата обращения: 20.05.2020).

В свою очередь, М. Фуко, один из основоположников радикального конструктивизма, дабы избежать автореференциальности, обосновывает свои воззрения идеей поиска квази-трансцендентальной основы дискурсивных практик, которую он отождествил с дискурсом тотальной власти — «паноптизмом»³⁷. Для юридического дискурса воплощением тотальной власти служит норма права.

На самом деле, юридические конструкции приобретают характер «субстанции» (в значении *existentia*), когда участник правового общения выражает волю, задавая таким образом их эксплицитное измерение. С момента выражения юридически значимой воли юридическая конструкция приобретает некий «центр»: возможность, заложенная на уровне нормативного высказывания, становится правовой действительностью. Таким образом, «центр» служит глубинным основанием, не принадлежащим самой структуре, но удерживающим саму ее конструкцию. В отличие от причин, делающих нас несвободными, основания зависят от свободы воли субъектов правового общения. Для нормативного высказывания о правиле поведения таким центром выступает *potestas*; для нормы права в значении правила поведения — воля, а точнее целевое поведение субъекта правового общения. Зазор между нормативным высказыванием как абстрактным директивным предписанием и конкретным правилом поведения, которым руководствуется субъект, в случае возникновения спора заполняется значением, полученным в практике применения нормативного правила.

Эффективный способ решения проблемы бесконечного поиска основания эпистемы предложен Г. Тойбнером, который развил свои соображения о конструктивизме в праве на основе *теории аутопоэзиса*, введенной в сферу познания социальной действительности Н. Луманом³⁸. Этим заимствованным из биологии понятием обозначается система, которая воспроизводит свои элементарные части при помощи действующей сети таких же элементов и, благодаря этому, отграничивается от внешней среды. В социальной и, как можно предположить, правовой системе воспроизводство осуществляется в форме коммуникации. Таким образом, аутопоэзис — способ воспроизводства тождественной самой себе определенной системы.

Аутопоэтический дискурс позволяет утверждать, что основным элементом правовой системы служит не норма права и не власть как форма восприятия субъектом правового общения легитимного насилия, но юридическая конструкция. Г. Тойбнер утверждает: «Право автономно обрабатывает информацию, создает миры смыслов, устанавливает цели и задачи, создает конструкции реальности и определяет нормативные ожидания — и все вполне независимо от взглядов на мир в умах юристов»³⁹. Будучи аутопоэтической, правовая система подчиняет себе положения, сложившиеся в других социально-связанных системах, таких как политика, экономика, экология и т. п.

Другими словами, юридические конструкции поглощают и перекодируют любые внешние смыслы. Очевидно, любой эмпирический факт, для того чтобы быть признанным юридически значимым, следует интерпретировать в контексте принятых юридическим сообществом конструкций. При этом следует учитывать, что нормативная компонента правила выполняет аскриптивную функцию⁴⁰, предписывающую юридически значимый статус определенному положению дел. С точки зрения теории речевых актов указанная функция реализуется в определенном «конститутивном правиле»⁴¹, которым определяются возможности нового с юридической точки зрения поведения, создавая таким образом так называемый «институциональный» факт. Институциональный факт возникает в тот момент, когда коллективная интенциональность наделяет эмпирически постигаемые объекты определенным статусом и соответствующей этому статусу функцией.

³⁷ См.: Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. Владимира Наумова. М.: Ad Marginem, 1999; а также: Teubner G. Op. cit. note 40.

³⁸ См.: Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems, in: F. Geyer and J. van der Zouwen (eds.), *Sociocybernetic Paradoxes*, Sage, London, 1986, 172 ff.

³⁹ Teubner G. Op. cit.

⁴⁰ H. L. A. Hart. The Ascription of Responsibility and Rights // *Proceedings of the Aristotelian Society*, New Series, Vol. 49 (1948–1949), p. 171–194.

⁴¹ Понятие «конститутивное правило» ввел в научный оборот Дж. Р. Серль, противопоставив его регулятивному правилу, «регулирующему деятельность, существование которой логически независимо от существования правил» (см.: John R. Searle. What is a Speech Act? In: "Philosophy in America" ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221–239; Дж. Р. Серль. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169). На наш взгляд, все юридически значимые правила, если придерживаться предложенной Дж. Р. Серлем классификации, относятся к классу конститутивных правил, так как юридически возможное поведение являет себя лишь в сфере должного.

6. Факты и моральные категории в контексте юридических конструкций

В свою очередь, оценка фактических обстоятельств при разрешении конкретных казусов осуществляется исключительно в контексте определенной юридической конструкции. Не в связи с определенной юридической конструкцией факт остается юридически безразличным.

Известно, что факты и связанные с ними юридические последствия не стоят в отношении причинности друг к другу. Таким образом, логическую связь имплицативного типа, установленную между гипотезой и диспозицией (санкцией) правовой нормы, не следует отождествлять со связью, которую участники правового общения признают между наступившим фактом и признаваемыми правопорядком правовыми последствиями. Связь между фактическими обстоятельствами и правовыми последствиями признается в силу существа самой конструкции и исключительно в контексте ее составляющих, независимо от формы ее выражения. В гипотезе правовой нормы (нормативного правила) закрепляется модель (структура) юридического факта. При наличии соответствующих модельных признаков, закрепленных в гипотезе, конкретный факт признается условием возникновения соответствующих правовых последствий.

Однако «факт-гипотезу» (логический антецедент) нельзя объяснить, не обратившись к базису объяснения — множеству явлений действительности, предшествующих или сопутствующих «факту-основанию» возникновения определенных правовых последствий. Юридический факт как основание определенных правовых последствий с точки зрения логики охватывается более широкой областью действительности, чем «подобласть, которой придаются каузальные объяснения»⁴². Если каузальное объяснение указывает на прошлое и в нем предполагается номическая связь между причинным фактором и фактором-следствием (*потому что, quia*), от наличия которой зависит справедливость каузального объяснения, то телеологическое объяснение указывает на будущее (*для того чтобы, ut*), номическая связь в таком случае не является решающим фактором в определении справедливости телеологического объяснения⁴³. Следовательно, функциональный (инвариантный) подход к объяснению правовых явлений не может быть признан достаточным; применимый для этого практический силлогизм предполагает выяснение определенной цели свершившегося факта (лат. *factum* — сделанное): объект телеологического объяснения (экспланандум) описывает некоторый результат поведения, которого субъект интенционально достиг.

Объяснение факта как явления или процесса, влекущего определенные последствия, может быть осуществлено, как было отмечено выше, при помощи «практического силлогизма». Логическая связь между тремя предложенными аспектами регулятивного действия нормы права выглядит, по-видимому, следующим образом: большую посылку составляет нормативное высказывание, закрепляющее социальную интенциональность (доступное в знаке для восприятия), меньшая посылка представлена нормативным правилом, связывающим определенное действие (факт) с целью действия (достижением правового результата), рассматривая такое действие в качестве средства достижения цели (смысловое содержание знака), заключение — правовая ситуация сообщает об использовании этого средства для достижения цели, соответствующей, с одной стороны, социальной интенциональности, а с другой — искомому субъектом общения правовому результату.

Заметим, что посредством конструктивистского подхода к праву разрешается также вопрос о соотношении моральных категорий и нормативных правил: морально-нравственные императивы могут быть оценены исключительно в контексте соответствующих юридических конструкций. Высказанная Г. Кельзеном точка зрения, что «мораль следует рассматривать как часть права в тех случаях, когда право содержит нормы, делающие моральные нормы условием применения принуждения»⁴⁴, может быть принята, если речь идет не о нормативных высказываниях, а конкретных нормативных правилах, ансамбль которых, с учетом практики их применения, образует соответствующую нормативную конструкцию. Так, идея о недопустимости совершения частных правовых актов, противоречащих закону или нравственности, запрет на применение обычаев, нарушающих нравственность, недопустимость включения в сделку условий, противоречащих нравственности, — эти и другие запреты при практическом применении могут быть объяснены и познаны лишь в контексте соответствующих юридических конструкций. Сказанное позволяет сделать вывод, что морально-нравственные императивы, будучи включенными в правовой контекст на уровне соответствующих юридических конструкций, не обуславливают их существо, но подчинены им.

⁴² Вригт Г. Х. *Фон*. Op. cit. С. 53.

⁴³ Ibid. С. 116.

⁴⁴ Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Harvard University Press, 1949. P. 374.

Литература

1. Антоновский А. Ю., Касавин И. Т., Бернштейн В. С. Конструктивизм / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7047> (дата обращения: 20.05.2020).
2. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право : учебник / В. А. Белов. М. : Юрайт, 2011.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В. И. Даниленко / пер. с фр. М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000.
4. Булыгин Е. К проблеме объективности права // Проблемы философии права. 2005. Т. III. № 1–2.
5. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Изб. тр. / пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. М. : ПРОГРЕСС, 1986.
6. Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб. : ООО «Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015.
7. Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
8. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1: Прологомены к чистой логике. М. : Академический проект, 2011.
10. Ивин А. А. Логика : учебное пособие. Издание 2-е. М. : Знание, 1998.
11. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М. : ИФРАН, 2009.
12. Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость. Пер. с англ.: Ю. М. Юмашев (науч. ред.), М. А. Юмашева. М. : Югона, 2002.
13. Маньковский И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : монография. Минск : Межд. ун-т «МИТСО», 2013.
14. Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Издательство Томского ун-та, 2012.
15. Оглезнев В. В. Некоторые замечания к теории об основаниях для действия // Вестник Томского государственного университета: Философия, Социология, Политология. 2015, № 2 (30).
16. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000.
17. Поляков А. В. Норма права [Электронный ресурс] // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1140109> (дата обращения: 20.05.2020).
18. Послание к римлянам апостола Павла. (Рим. 13.1.) / Библия (Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета). М. : Издание Московской Патриархии, 1992.
19. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
20. Серль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
21. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Издательство Гуманитарного ун-та. Екатеринбург, 2001.
22. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.
23. Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб. : Наука, 2007.
24. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999.
25. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер / пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007.
26. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии, 2012, № 2. С. 66–80.
27. Халабуденко О. А. Право и экономика vs право и мораль: некоторые методологические замечания // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. М., 2015. С. 49–62.
28. Халабуденко О. А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. № 1 (2013). С. 174–187.
29. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
30. Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 49 (1948–1949), p. 171–194.
31. Johnson C. D. Moral and Legal Obligation // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72. No. 12.
32. Kelsen H. General Theory of Law and State. Harvard University Press, 1949.
33. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems, in: F. Geyer and J. van der Zouwen (eds.), Sociocybernetic Paradoxes, Sage, London, 1986, 172 ff.
34. Searle John R. What is a Speech Act? In: “Philosophy in America” ed. M. Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221–239.
35. Teubner G. How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law. In: Krohn W., Küppers G. & Nowotny H. (eds.) Selforganization. Portrait of a Scientific Revolution. Kluwer, Dordrecht : 87–113 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/archive/fulltexts/2713.html> (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. Antonovskii A. Yu., Kasavin I. T., Bernshtein V. S. Constructivism / Humanitarian Encyclopedia: Concepts [Konstruktivizm / Gumanitarnaya ehntsiklopediya: Kontsepty] [Electronic resource] // Center for Humanitarian Technologies [Tsentr gumanitarnykh tekhnologii], 2002–2020 (last revised: 02/08/2020). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7047> (accessed: 20.05.2020). (In rus)
2. Belov V. A. Civil Law. A Common Part. T. I. Introduction to Civil Law : textbook [Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. T. I. Vvedenie v grazhdanskoe pravo : uchebnik] / V. A. Belov. Moscow : Yurayt Publishing House [Izdatel'stvo Yurait], 2011. (In rus)
3. Bergel J.-L. General Theory of Law [Obshchaya teoriya prava] / Under. total ed. V. I. Danilenko / Transl. from fr. M. : Publishing house NOTA BENE, 2000.
4. Bulygin E. On the Problem of the Objectivity of Law [K probleme ob"ektivnosti prava] // Problems of Philosophy of Law [Problemi filosofii prava]. 2005. V. III. No. 1–2. (In rus)
5. G. H. von Wright. Logico-Philosophical Research: Selected works [Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbrannyye trudy]: transl. from English / Total Ed. G. I. Ruzavina and V. A. Smirnova. M. : PROGRESS, 1986.
6. Hans Kelsen. Pure Theory of Law. 2nd edition [Chistoe uchenie o prave. 2-e izd]. Transl. from German by M. Antonov and S. Loesov. St. Petersburg : Alef Press Publishing House, 2014. 542 p.
7. Gasparian D. E. Introduction to Non-Classical Philosophy [Vvedenie v neklassicheskuyu filosofiyu] / D. E. Gasparian. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) [Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN)], 2011. (In rus)
8. Civil law: Actual Problems of Theory and Practice [Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki] / Under Ed. of V. A. Belova. M. : Yurait-Publishing House [Yurait-Izdat], 2007. (In rus)
9. Husserl E. Logical research. T. 1: Prolegomena to Pure Logic [Logicheskie issledovaniya. T. 1: Prolegomeny k chistoio logike]. M. : Academic project [Akademicheskii proekt], 2011. (Transl. from german)
10. Ivin A. A. Logics : Tutorial. 2nd Edition [Logika : Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e]. M. : Knowledge, 1998. (In rus)
11. Communicative Rationality: an Epistemological Approach [Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod] / Ros. Acad. Sciences, Institute of Philosophy; Ed.: I. T. Kasavin, V. N. Porus. M. : IFRAN, 2009.
12. Lloyd D. The Idea of Law. The idea of law. Repressive Evil or Social Necessity [Ideya prava. Repressivnoe zlo ili sotsial'naya neobkhodimost'] Transl. from English: Yumashev Yu. M. (Scientific Ed.), Yumashev M. A. M. : Yugona, 2002.
13. Mankovskii I. A. Norms and Sources of Civil Law. Theoretical Foundations of Formation and Application : monograph [Normy i istochniki grazhdanskogo prava. Teoreticheskie osnovy formirovaniya i primeneniya : monografiya]. Minsk : International University "MITSO" [Mezhd. un-t. "MITSO"], 2013. (In rus)
14. Ogleznev V. V. G. L. A. Hart and the Formation of an Analytical Philosophy of Law [G. L. A. Khart i formirovanie analiticheskoi filosofii prava]. Tomsk : Publishing house of Tomsk University [Izdatel'stvo Tomskogo un-ta], 2012. (In rus)
15. Ogleznev V. V. Some Remarks on the Theory of the Grounds for Action [Nekotorye zamechaniya k teorii ob osnovaniyakh dlya deistviya] // Tomsk State University Bulletin: Philosophy, Sociology, Political Science [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya]. 2015, No. 2 (30). (In rus)
16. Petrazhitsky L. I. The Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality [Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti]. St. Petersburg: Publishing House "Lan" [Izdatel'stvo "Lan"], 2000. (In rus)
17. Polyakov A. V. Rule of Law [Norma prava]. [Electronic resource] // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1140109> (accessed: 05.20.2020). (In rus)
18. The Epistle of the Apostle Paul to the Romans. (Rom. 13.1.) / Bible (Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments) [Poslanie k rimlyanam apostola Pavla. (Rim. 13.1.) / Bibliya (Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta)]. M. : Edition of the Moscow Patriarchate [Izдание Moskovskoi Patriarkhii], 1992. (In rus)
19. Searle J. R. What is a Speech Act [Chto takoe rechevoi akt] // New in Foreign Linguistics [Novoe v zarubezhnoi lingvistike]. M., 1986, Vol. 17. P. 151–169. (In rus)
20. Searle J. R. Rationality in Action [Ratsional'nost' v deistvii]. Transl. from English A. Kolody, E. Rumyantseva. M. : Progress-Tradition [Progress-Traditsiya], 2004.
21. Tarasov N. N. Methodological Problems of Legal Science [Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki] / Humanitarian University Press. Ekaterinburg [Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta], 2001. (In rus)
22. Philosophy : Encyclopedic Dictionary [Filosofiya : Entsiklopedicheskii slovar'] / Ed. A. A. Ivina. M. : Gardariki, 2004. (In rus)
23. Foucault M. Psychiatric Power. Course of Lectures Delivered at the College de France in the 1973–1974 Academic Year [Psikhiatricheskaya vlast'. Kurs lektzii, prochnitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu]. St. Petersburg : Science, 2007. (Transl. from French)
24. Foucault M. Oversee and Punish. Birth of a Prison [Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my] / transl. from French V. Naumov. M. : "Ad Marginem", 1999.
25. Fuller Lon L. Moral Law [Moral' prava] / Lon L. Fuller; trans. from English T. Danilova, ed. A. Kuryaeva. M. : IRISEN, 2007.
26. Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights [Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka] // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii], 2012, No. 2. P. 66–80. (In rus)

27. *Khalabudenko O. A.* Law and Economics vs Law and Moral: Some Methodological Observations [Pravo i ekonomika vs pravo i moral': nekotorye metodologicheskie zamechaniya] // Law and Business: Convergence of Private and Public Law in the Regulation of Entrepreneurial Activity [Pravo i biznes: konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava v regulirovanii predprinimatel'skoi deyatel'nosti]. M., 2015. P. 49–62. (In rus)
28. *Khalabudenko O. A.* Some Questions of the Methodology of Law: Civil Law Prerogatives and Legal Constructions [Nekotorye voprosy metodologii prava: grazhdansko-pravovye prerogativy i yuridicheskie konstruktzii] // Bulletin of the Perm University: Series "Legal Sciences" [Vestnik Permskogo universiteta: Seriya "Yuridicheskie nauki"], No. 1 (2013). P. 174–187. (In rus)
29. *Hart H. L. A.* The Concept of Law [Ponyatie prava] / Transl. from English; under the general. ed. E. V. Afonasina and S. V. Moiseeva. SPb. : Publishing House of St. Petersburg University [Izdatel'stvo S.-Peterbugskogo universiteta], 2007.
30. *Hart H. L. A.* The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 49 (1948–1949), p. 171–194.
31. *Johnson C. D.* Moral and Legal Obligation // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72. No. 12.
32. *Kelsen H.* General Theory of Law and State. Harvard University Press, 1949.
33. *Luhmann N.* The Autopoiesis of Social Systems, in: F. Geyer and J. van der Zouwen (eds.), Sociocybernetic Paradoxes, Sage, London, 1986, 172 ff.
34. *Searle John R.* What Is a Speech Act? In: "Philosophy in America" ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221–239
35. *Teubner G.* How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law. In: Krohn W., Küppers G. & Nowotny H. (eds.) Selforganization. Portrait of a Scientific Revolution. Kluwer, Dordrecht: 87–113 [Electronic resource]. URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/archive/fulltexts/2713.html> (accessed: 20.05.2020).